

39.1
263

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ
СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ
К НАУКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1937

Ф . Э Н Г Е Л ь С

РАЗВИТИЕ
СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1937

Настоящая брошюра напечатана по тексту I тома (Карл Маркс, «Избранные произведения» в двух томах под редакцией В. В. Адоратского). Из этого тома использованы также и примечания. В конце книги помещены статья М. Камари и именной указатель.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1882 ГОДА

Предлагаемая брошюра возникла из трех глав моей работы «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», Лейпциг, 1878 год¹. Я собрал их вместе по просьбе моего друга Поля Лафарга для перевода на французский язык и дополнил их несколькими разъяснениями. Просмотренный мной французский перевод напечатан был сначала в «Ревю Социалист» [«Социалистическое Обозрение»] и вышел затем отдельным изданием под названием «Социализм утопический и социализм научный», Париж, 1880 год. Сделанное по французскому переводу польское издание моей брошюры только что вышло в Женеве под названием «Социализм утопический и научный», типография Аврора, Женева, 1882 год.

Неожиданный успех сделанного Лафаргом перевода в странах, где говорят по-французски, и в особенности в самой Франции, поставил передо мной вопрос, не

¹ Брошюра «Развитие социализма от утопии к науке» состоит из отдельных глав, взятых Энгельсом из его работы «Анти-Дюринг». Сюда вошла первая глава из «Введения» к «Анти-Дюрингу» и две главы (первая и вторая) из третьей части этой книги «Социализм». — Ред.

будет ли также целесообразно отдельное немецкое издание этих трех глав. А тут еще редакция цюрихского «Социалдемократа»¹ сообщила мне, что в рядах германской социалдемократической партии замечается большой спрос на новые пропагандистские брошюры, и запросила меня, не соглашусь ли я на то, чтобы издать для этой цели указанные три главы. Я, конечно, дал ей свое согласие и предоставил в ее распоряжение мою работу.

Но ведь первоначально она была написана вовсе не для непосредственной пропаганды. Могла ли для этого пригодиться работа по существу чисто научная? Какие изменения необходимы по форме и содержанию?

Что касается формы, то только обилие иностранных слов могло вызвать сомнение. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах не очень стеснялся употреблять иностранные слова, и, насколько мне известно, на это особенно не жаловались. А с того времени наши рабочие гораздо усерднее и более регулярно читают газеты и благодаря этому больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что устранил все не безусловно необходимые иностранные слова. Но, оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу.

¹ «Социалдемократ» — центральный орган германской социалдемократии, издававшийся в Швейцарии, в Цюрихе, с 1879 по 1888 г., так как во время действия исключительного закона против социалистов в Германии (1878—1890) социалдемократические издания были запрещены. — Ред.

Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу. Устные разъяснения помогают в таком случае гораздо больше.

Что же касается содержания, то я смею утверждать, что оно представляет для немецких рабочих мало трудностей. Вообще труден только третий раздел, причем он представляет гораздо меньше трудностей для рабочих, общие условия жизни которых он охватывает, чем для «образованных» буржуа. Делая многочисленные разъяснения и дополнения, я в действительности имел в виду не столько рабочих, сколько «образованных» читателей, людей, вроде депутата господина фон-Эйнера, господина тайного советника Генриха фон-Зибеля и других Трейчке, испытывающих назойливый зуд все снова и снова демонстрировать свое невероятное невежество и вытекающее из него поразительное непонимание социализма. Если Дон-Кихот¹ угодно сражаться с ветряными мельницами, то это вполне соответствует его званию и назначению, но Санчо-Пансе мы не можем позволить ничего подобного.

Такие читатели, вероятно, также будут удивлены, наткнувшись в кратком очерке развития социализма на учение о происхождении мира Канта — Лапласа²,

¹ Дон-Кихот — главный герой сатирического романа того же названия Сервантеса (1547—1616). Автор высмеивает в лице своего героя средневековое рыцарство. Санчо-Панса — оруженосец Дон-Кихота. — **Ред.**

² Немецкий философ Кант высказал в 1755 г. гипотезу (научное предположение) о происхождении солнечной системы из вращающихся раскаленных туманностей. Эта гипотеза была далее развита и обоснована французским математиком и астрономом Лапласом. — **Ред.**

на современное естествознание и Дарвина, на классическую немецкую философию и Гегеля. Но дело в том, что научный социализм по существу представляет немецкий продукт и мог возникнуть только у народа, классическая философия которого живо сохранила традицию сознательной диалектики, в Германии¹. Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики. И если школьные учителя немецкой буржуазии потопили память о великих немецких философах и созданную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма, — до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует в действительности, — то мы, немецкие социалисты, гордимся тем,

¹ «В Германии», это — описка. Следует сказать: среди немцев. Ибо поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические условия Англии и Франции. Отсталые, — в начале сороковых годов в еще большей степени, чем теперь, — экономические и политические условия Германии могли в лучшем случае вызвать к жизни только карикатуры на социализм (ср. «Коммунистический манифест», III, 1: «Немецкий или истинный социализм»). Только когда создававшаяся в Англии и Франции экономическая и политическая ситуация была подвергнута немецко-диалектической критике, можно было достигнуть действительных результатов. С этой точки зрения, следовательно, научный социализм представляет не исключительно немецкий, а не в меньшей степени и международный продукт. (Примечание Энгельса, сделанное им после напечатания книги. Примечание было напечатано на последней странице.) — Ред.

что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля.

Лондон, 21 сентября 1882 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ 1892 ГОДА ¹

Предлагаемая брошюра была сначала частью более обширного целого. Около 1875 г. д-р Е. Дюринг, *приват-доцент* Берлинского университета, внезапно и довольно крикливо заявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробную социалистическую теорию, но и подробно разработанный практический план преобразования общества. Само собою разумеется, он изо всех сил обрушился на своих предшественников; больше всего досталось Марксу, на которого он изливал свой гнев полной чашей.

Это случилось как раз в то время, когда только что произошло слияние двух частей социалистической партии в Германии — эйзенахцев и лассальянцев — и партия таким образом не только чрезвычайно усилилась,

¹ Здесь мы печатаем только небольшую часть английского предисловия к брошюре «Развитие социализма», — первые три страницы. Все предисловие, только без этих первых трех страниц, сам Энгельс напечатал по-немецки в журнале «Neue Zeit» как самостоятельную статью под заглавием «Об историческом материализме». Под этим же заглавием она выпущена ИМЭЛ отдельной брошюрой.—Ред.

но также — что еще важнее — получила возможность все свои силы двинуть против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности вновь завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг открыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей самостоятельной партии. Поэтому волей-неволей мы были вынуждены поднять брошенную нам перчатку и вступить в бой.

Это, однако, было делом хотя и не слишком трудным, но явно канительным. Хорошо известно, что нам, немцам, свойственна страшно тяжеловесная «*Gründlichkeit*» [основательность], — радикальная глубина или глубокая радикальность, называйте как хотите. Когда кто-нибудь из нас приступает к изложению того, что, по его мнению, является новой теорией, он считает необходимым прежде всего разработать это в виде всеобъемлющей системы. Он должен доказать, что принципы логики и основные законы мироздания искони существовали только для того, чтобы в конце концов привести именно к этой новой и все завершающей теории. И в этом отношении д-р Дюринг был вполне на высоте своей национальности. Ни много, ни мало, как полная «Система философии» — рациональной, моральной, естественно-научной и исторической; полная «Система политической экономии и социализма» и, наконец, «Критическая история политической экономии», — три толстых тома в восьмую долю листа, тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса доказательств, мобилизованных против предшествующих философов и против экономистов вообще и Маркса в частности, — поистине попытка со-

вершить полнейший «переворот в науке»; вот с чем пришлось мне иметь дело. Я был принужден трактовать всевозможные, самые разнообразные предметы: от концепций времени и пространства до биметаллизма; от вечности материи и движения до изменчивой природы моральных идей; от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодежи в будущем обществе. Во всяком случае, всеобъемлющий диапазон моего противника давал мне случай в полемике с ним изложить взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и шритом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде. Это как раз и было главной причиной того, что я взялся за такую при иных условиях неблагоприятную задачу.

Ответ мой сперва появился в виде ряда статей в лейпцигском «Vorwärts», центральном органе социалистической партии, а затем в виде книги «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», второе издание которой вышло в Цюрихе в 1886 г.

По просьбе моего друга Поля Лафарга, — ныне депутата от Лилля во французской палате, — из трех глав этой книги я составил брошюру, которую он перевел и издал в 1880 г. под названием «Социализм утопический и социализм научный». Этот французский текст лег в основу польского и испанского изданий. В 1883 г. наши немецкие друзья издали брошюру на том языке, на котором она первоначально была написана. Затем с этого немецкого текста были сделаны переводы итальянский, русский, датский, голландский и румынский. Таким образом, включая и настоящее английское издание, брошюра эта распространена на десяти языках. Полагаю, что ни одно социали-

стическое произведение, не исключая даже нашего «Коммунистического манифеста», впервые изданного в 1848 г., и «Капитала» Маркса, не было столько раз переведено. В Германии брошюра выдержала четыре издания, общим тиражом около 20 000 экземпляров.

Употребляемые в дальнейшем экономические термины, поскольку они новы, совпадают с терминологией английского издания «Капитала» Маркса. Под «производством товаров» мы понимаем ту степень экономического развития, при которой предметы производятся не только для удовлетворения потребностей производителей, но и с целью обмена, т. е. производятся в качестве товаров, а не потребительных стоимостей. Эта степень существует с тех пор, как началось производство для обмена, и вплоть до нашего времени; вершины своего развития она достигает лишь при капиталистическом производстве, т. е. в тех условиях, когда капиталист, собственник средств производства, нанимает за деньги рабочих, — людей, лишенных каких бы то ни было средств производства, кроме своей собственной рабочей силы, — и кладет себе в карман излишек продажной цены продуктов над его издержками. Историю промышленного производства, начиная со средних веков, мы делим на три периода: 1) господство ремесла, эпоха мелких мастеров-ремесленников с их немногочисленными подмастерьями и учениками, когда каждый работник производит предмет целиком; 2) мануфактура, при которой более крупное число рабочих, собранных в одном обширном заведении, производит весь предмет в порядке разделения труда, т. е. каждый рабочий проделывает какую-нибудь одну частичную операцию, так что продукт готов лишь после того, как он последовательно про-

шел через руки их всех; 3) современная промышленность, при которой продукт производится машинами, приводимыми в движение какой-либо силой, а роль рабочего ограничивается наблюдением за действиями механического фактора и их регулированием.

РАЗВИТИЕ
СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом понимания существа, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он кажется на первый взгляд только дальнейшим и как бы более последовательным развитием принципов, выдвинутых великими просветителями XVIII века¹. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить из накопленного до него идейного материала, хотя его корни находились в материальных экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государственный порядок — все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред

¹ Речь идет о представителях французской буржуазии в философии и науке в период подготовки французской буржуазной революции (1789—1794 годов). Виднейшими просветителями были Вольтер, Руссо, Дидро и др. — Ред.

судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственным мерилom всего существующего. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, «мир был поставлен на голову»¹, т. е. когда человеческая голова и открытые при помощи ее мышления положения предъявили притязание служить единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений и когда вслед за тем противоречившая этим положениям действительность была фактически перевернута вверх ногами. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презре-

¹ Вот что говорит Гегель о французской революции: «Идея, понятие права сразу завоевала себе признание, ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления. Идея права положена в основу конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор, как на небе светит солнце и вокруг него вращаются планеты, еще никогда не было, чтобы человек становился на голову, т. е. опирался на идею, и согласно с нею перестраивал действительность. Анаксагор первый сказал, что *Nus*, т. е. разум, управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна управлять духовной действительностью. Это был величайший восход солнца. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг властвовал над этим временем, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые примирение божества с миром» (Гегель, *Философия истории*, 1840 г., стр. 535). Не пора ли, наконец, против таких опасных бунтовщических идей покойного профессора Гегеля пустить в ход закон о социалистах? (Примечание Энгельса.)

ния. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, вытекающему из законов природы равенству и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции, что равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а самым существенным из прав человека объявлено было право буржуазной собственности. Государство разума, «общественный договор» Руссо, оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества, существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство дало возможность представителям буржуазии выступать в роли защитников не какого-либо отдельно то класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и в таком же соотношении, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуа-

зия в своей борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии¹, левеллеров — во время Великой английской революции², Бабефа — во время Великой французской революции. Эти революционные попытки еще не сложившегося класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях³, а в XVIII уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение отдельных личностей: доказывалась необходимость упразднения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение жизнью, был первым про-

¹ Реформация и крестьянские войны в Германии происходили в начале XVI века. О реформации см. Ф. Энгельс, «Об историческом материализме». — Ред.

² Английская буржуазная революция происходила в XVII веке (1640—1660 гг.); это была революция, направленная против абсолютной монархии и господства феодалов-помещиков (лендлордов). — Ред.

³ Энгельс имеет в виду социалистов-утопистов — Томаса Мора, известного своим замечательным произведением «Утопия» (1516 г.) и Томаса Кампанеллу, написавшего книжку-утопию «Город Солнца» (1623 г.). — Ред.

явлением нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого буржуазные стремления уживались еще отчасти с защитой интересов пролетариата, Фурье и, наконец, Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных этим способом производства противоположностей выработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Эти три великих утописта сходились между собою в том, что никогда не выставляли себя защитниками интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотели прежде всего освободить все человечество, а не только определенный общественный класс. Как и те, они хотели установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный порядок, основанный на принципах этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и должен быть отброшен с таким же презрением, как феодализм и все прежние общественные формы. До сих пор истинные законы разума и справедливости не были известны человечеству, и только по этой причине оно ими не руководилось. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал всю истину. Что он появился именно теперь, что истина открыта только теперь, — это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а просто счастливой случайностью. Гениальный человек мог с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и

тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, как подготовлявшие революцию философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум оказался в действительности лишь идеализированным рассудком среднего мещанина, развивающегося в современного буржуа. Если общественный строй и новое государство, созданные французской революцией, и могли казаться разумными по сравнению со старыми учреждениями, то они были во всяком случае очень далеки от абсолютной разумности. Царство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое реальное осуществление в господстве террора¹, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности директории, а потом под крылом наполеоновского деспотизма². Обе-

¹ В 1793—1794 гг. революционное правительство Франции, во главе которого стояли якобинцы (представители революционной мелкой буржуазии и трудящейся бедноты), применяло режим террора как средство борьбы против контрреволюции. — **Ред.**

² Директорией называлось французское правительство, установленное буржуазией после свержения ею якобинской диктатуры в 1794 г. Директория просуществовала с 1795 по 1799 г. и в свою очередь была свергнута Наполеоном Бонапартом. При Наполеоне, который был объявлен сперва «консулом», а затем императором Франции, и велись Францией те завоевательные войны, о которых говорит далее Энгельс. — **Ред.**

Bibliothèque de la REVUE SOCIALISTE

I.

SOCIALISME UTOPIQUE

ET

SOCIALISME SCIENTIFIQUE

PAR

FREDERIC ENGELS

Traduction française par

PAUL LAFARGUE

Prix: 50 centimes

PARIS

DEVEAUX LIBRAIRE-ÉDITEUR

32, Rue d'Angoulême, 32

1880

Титульный лист первого французского издания книги Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»

тованный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн.

Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, напротив, усилилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших до известной степени ее прикрытием, а также вследствие исчезновения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, именно этим магнатам и превратилась таким образом для мелких буржуа и крестьян в свободу от собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания рабочих масс необходимым условием существования общества. Чистоган стал, по выражению Карлейля, единственным связывающим элементом этого общества. Количество преступлений возросло с каждым годом. Если пороки феодальной эпохи, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь хотя и не были уничтожены, все же были отодвинуты пока на задний план, зато тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братства» осуществился в плутнях и в зависти, порождаемой конкуренцией. Подкуп заменил грубое насилие, и вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. «Право первой ночи» перешло по наследству

от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой, официальным прикрытием проституции, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование, карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились с началом нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории относится еще к 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взялся за управление Нью-Лэнарком.

Но в это время капиталистическое производство, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность приводит постепенно к конфликтам не только между созданными ею классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена, и лишь эти, созданные крупной промышленностью, конфликты ведут с роковой необходимостью к перевороту в способе производства и к устранению его капиталистического характера, причем та же крупная промышленность в гигантском развитии производительных сил дает также средства для разрешения ею же созданных конфликтов. Если в 1800 г. вытекающие из современного общественного порядка конфликты только что зарождались, то тем ме-

нее было палицо средств для их разрешения. Хотя во время террора несимущие массы Парижа захватили на минуту власть и смогли таким образом привести к победе буржуазную революцию *против* самой же буржуазии, но этим они доказали только всю невозможность прочного господства этих масс при тогдашних условиях. Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих, составлял в то время лишь зародыш нового класса и не был способен к самостоятельному политическому действию. Он являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности ждать избавления только от какой-нибудь внешней, высшей силы.

Это историческое положение отразилось и на учениях основателей социализма. Незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений, пришлось изобретать, создавать из головы. Очевидны были только недостатки общественного строя, их устранение стало задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему человеческих отношений и навязать ее существующему обществу посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы были заранее обречены оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались их подробности, тем дальше уносились они в область чистой фантазии.

Отметив этот факт, мы уже не будем на нем останавливаться, так как эта сторона вопроса отошла в область истории. Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти смешные фанта-

зии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филистеры.

Сен-Симон был сыном Великой французской революции, при начале которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над привилегированными до того времени, *праздными* сословиями — дворянством и духовенством. Но победа третьего сословия оказалась в действительности победой маленькой части этого сословия; она свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированной частью его, имущей буржуазией. К тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственности дворянства и церкви, с другой — посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху директории Францию и революцию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для его государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона борьба между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Последними являлись не только прежние представители привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что

праздныe потеряли способность к умственному руководству и политическому господству — не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что обездоленные не обладали этой способностью, об этом, по мнению Сен-Симона, свидетельствовал опыт эпохи террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной овязью в строго иерархическое, неизбежно мистическое, «новое христианство», призванное восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Наука же — это были официальные ученые, а промышленность — это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде государственных чиновников, доверенных лиц всего общества, но сохраняли по отношению к рабочим командующее и экономически привилегированное положение. Что касается банкиров, то они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. Такой взгляд вполне соответствовал той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней противоположность между буржуазией и пролетариатом только начали развиваться. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает, — это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» (*la classe la plus nombreuse et la plus pauvre*).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симона мы находим положение, что «все люди должны работать»; в том же произведении он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих клас-

сов. «Посмотрите, — восклицает он, обращаясь к последним, — что произошло во Франции, когда там господствовали ваши товарищи: они создали голод!» Нужна была гениальная проницательность, чтобы в 1802 г. понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *пепмущими массами*. В 1816 г. Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, и заранее предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если здесь мысль о происхождении политических учреждений из экономических основ выражена лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическая власть над людьми должна превратиться в управление вещами, в заведывание процессами производства, т. е. привести к «отмене государства», о которой так много шумели в последнее время. С таким же превосходством над своими современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г., — тотчас по вступлении союзников в Париж, — а затем в 1815 г. (во время войны ста дней)¹, что союз Франции с Англией и этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы. Нужно было много мужества и истори-

¹ Завоевательные войны Наполеона I закончились поражением Наполеона. Против Франции образовался союз почти всех европейских государств во главе с буржуазной Англией и крепостнической Россией. В 1814 г. Париж был взят войсками союзников, а Наполеон был вынужден отречься от престола. В 1815 г. он сделал попытку восстановить свою власть и вести новую войну с союзниками (война ста дней), но был снова разбит при Ватерлоо и опять низложен союзниками, а затем сослан на остров св. Елены, где и умер. — Ред.

ческой дальнорзости, чтобы в 1815 г. проповедывать французам союз с победителями при Ватерлоо.

Если гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить зародыши почти всех позднейших социалистических идей, не относящихся к только экономической области, то Фурье, со своей стороны, дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкушенных льстецов после революции. Он беспощадно вскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями прежних просветителей о наступлении царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, о способности человечества к бесконечному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразеологии современных буржуазных идеологов, показывая, какая жалкая действительность соответствует их громким словам, и изливает весь свой сарказм по поводу полнейшего провала этой фразеологии. Фурье — не только критик, всегда жизнерадостный по природе, он стал сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший всей французской торговлей в период заката революции. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений полов в буржуазном обществе и положение в нем женщины. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень освобождения женщины является естественным мериллом всякого освобождения. Но выше всего поднимается Фурье в своем взгляде на исто-

рию человеческого общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация. Под последней он разумеет существующее ныне так называемое буржуазное общество, начавшееся с XVI столетия, и показывает, как эта «цивилизация делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, остававшийся в простом виде при варварстве». Он указывает на «порочный круг» непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым, искренно или притворно, она стремится. Например, по его словам, «в цивилизации бедность порождается самим избытком». Очевидно, Фурье так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. С такой же диалектикой он утверждает, вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, и этот свой взгляд он развивает дальше по отношению к будущности всего человечества. Подобно Канту, развивавшему в естествознании идею о будущей гибели земли, Фурье в свое понимание истории включил мысль о гибели человечества.

В то время, как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Медленный, вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в

производстве. Все быстрее и быстрее совершалось расслоение общества на крупных кашагалитов и немущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, мы видим неустойчивую массу ремесленников и мелких торговцев, обреченных на весьма шаткое существование и представляющих самую текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным, при данных условиях, способом производства, а между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление массы бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального семейного быта, даже самой семьи; ужасающее удлинение рабочего дня — по преимуществу для женщин и детей; испорченность нравов среди широких масс рабочего населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия существования, из деревни в город, из земледелия в промышленность, из устойчивых условий жизни в ежедневно меняющиеся, ненадежные условия существования. И тут появился на сцене в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с почти детской чистотой и благородством характера и в то же время прирожденный вождь, каких мало на свете. Роберт Оуэн усвоил учение материалистов XVIII века об образовании человеческого характера из взаимодействия, с одной стороны, унаследованной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, а в особенности в период его развития. Большинство его собратьев

по сословию видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годный для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн видел в ней благоприятный случай для осуществления своей любимой идеи и тем самым внесения порядка в хаос. Он в качестве руководителя фабрики, где работало более 500 рабочих, уже пытался, и не без успеха, применить ее в Манчестере. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Лэнарк, в Шотландии, и, будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь в таком же духе, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее из крайне смешанных и по большей части сильно развращенных элементов, он превратил в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды и процессы, попечительства о бедных стали неизвестными явлениями. Он достиг своей цели единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста, где дети сами так хорошо проводили время, что родители с трудом могли уводить их домой. Рабочий день был сокращен в Нью-Лэнарке до 10½ часов, тогда как на соперничавших с ним фабриках работа длилась до 13 и 14 часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие продолжали получать полную плату. И при всем том стоимость предприятия возросла более чем

вдвое и вплоть до конца оно приносило собственникам обильный доход.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. То положение, в которое он поставил своих рабочих, в его глазах еще далеко не соответствовало человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами», — говорил он; сравнительно благоприятные условия существования рабочих Нью-Лэнарка были далеко не достаточны для всестороннего развития их ума и характера, не говоря уже о свободном приложении сил и способностей. «А между тем трудящаяся часть этих 2 500 человек создавала такое количество реального богатства, для производства которого полвека тому назад потребовался бы труд 600 000 человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством продуктов, потребляемых 2 500 рабочих, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 600 000?» Ответ был ясен. Эта разность получалась собственниками фабрики в виде 300 000 фунтов стерлингов [3 000 000.] ежегодного дохода сверх 5% на основной капитал предприятия. Этот ответ еще в большей степени, чем к Нью-Лэнарку, был применим ко всем остальным фабрикам Англии. «Без этого нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и восстановления аристократических принципов общественного устройства. И эта новая сила была ведь делом рук рабочего класса»¹.

¹ Из записки «The Revolution in Mind and Practice» [Революция в мысли и практике], адресованной всем «красным республиканцам, коммунистам и социалистам» Европы и французскому Временному правительству 1848 г., но поданной также «королеве Виктории и ее ответственному советнику». (Примечание Энгельса.)

Ему поэтому должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие силы производства, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были служить благосостоянию всех в качестве общественной собственности.

На таких чисто деловых началах, как своего рода плод торгового счетоводства, возник коммунизм Оуэна. Он до конца сохранил этот свой практический характер. Так, в 1823 г. Оуэн составил проект коммунистических колоний с целью устранения ирландской нищеты и приложил к нему подробное вычисление необходимого основного капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов. В своем окончательном плане будущего строя Оуэн обращает особенное внимание на техническую сторону дела, тщательно разрабатывает все подробности, прилагает при этом перспективные планы, чертежи и рисунки, и все это с таким знанием дела, что если принять его метод общественных реформ, то очень немного можно возразить против подробностей даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока его деятельность была простой филантропией, она доставляла ему богатство, всеобщее одобрение, почет и славу. Он был популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только люди его общественного положения, но даже министры и коронованные особы. Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, — как обстановка изменилась. Три великих препятствия заграждали, по его мнению, путь к общественным реформам: частная собственность, религия и существую-

щая форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным среди официального общества и лишиться своего общественного положения; но эти соображения ни на волос не убавили энергии его беспощадного нападения. Произошло именно то, что он предвидел: его изгнали из официального общества; игнорируемый прессою, обедневший благодаря неудачным коммунистическим опытам в Америке, поглотившим все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу и трудился в его среде еще тридцать лет. Все общественное движение, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом Англии, связаны с именем Оуэна. Так, в 1819 г., благодаря его пятилетним усилиям, прошел первый закон, ограничивший работу женщин и детей на фабриках. Под его председательством собрался первый конгресс, на котором трэд-юнионы всей Англии соединились в один большой, всеобщий профессиональный союз¹. Он же организовал в качестве меропрятий для перехода к общественному строю, уже вполне коммунистическому, с одной стороны, кооперативные товарищества (потребительские и производительные), доказавшие в дальнейшем на практике полную возможность обходиться без купцов и фабрикантов, а с другой стороны, рабочие базары, на кото-

¹ В октябре 1833 г. Оуэн председательствовал в собрании делегатов трэд-юнионов (английских профессиональных союзов), на котором было принято решение образовать их национальное объединение. Возникшее в 1834 г. «Великое национальное объединение трэд-юнионов» было первой попыткой создать объединенную организацию английских профессиональных союзов в пределах нации. В конце 1834 г. эта организация прекратила свое существование. — Ред.

рых продукты обменивались при помощи бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили позднейший прудоновский меновой банк, от которого они отличались как раз тем, что не возводились своим изобретателем в универсальное средство от всех общественных зол, а предлагались только как один из первых шагов к более радикальному переустройству всего общества.

Миросозерцание утопистов долго господствовало над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще поныне. Его придерживались до недавнего времени все английские и французские социалисты, а также прежние немецкие коммунисты, не исключая Вейтлинга. Социализм в их представлении есть выражение абсолютной истины, разума, справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость различны у каждого основателя школы и обуславливаются субъективным складом его ума, условиями его жизни, количеством его познаний и способом мышления. Поэтому при столкновении этих различных видов абсолютной истины примирение возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло выработаться ничего, кроме особого рода эклектического среднего социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства рабочих-социалистов Англии и Франции. Этот эклектический социализм представляет собою пеструю

смесь из наиболее общепризнанных критических замечаний, экономических положений и представлений о будущем обществе различных основателей сект, — смесь, которая получается тем легче, чем скорее ее составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратиться в науку, социализм должен был, прежде всего, стать на реальную почву.

II

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за нею развилась новейшая немецкая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике, как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными диалектиками, и Аристотель, — самая универсальная голова среди них, — исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления. Хотя и в новой философии диалектика имела блестящих представителей (напр., Декарт и Спиноза), но она, особенно под влиянием английской философии, все более и более погрязала в так называемом метафизическом способе мышления, почти исключительно овладевшем также французами XVIII века, по крайней мере в их специально философских трудах. Однако вне пределов философии как таковой они смогли оставить нам высокие образцы диалектики: припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми».

Остановимся здесь вкратце на существовании обоих методов мышления.

Когда мы мысленно рассматриваем природу, или историю человечества, или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все представляется движущимся, изменяющимся, возникающим и исчезающим. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности пока более или менее ступшеваются, мы больше обращаем внимание на ход движения, на переходы и связи, чем на то, что именно движется, переходит, находится в связи. Этот первоначальный, наивный, но по существу правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все течет, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, составляющих ее, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Для того, чтобы изучить эти частности, мы должны изъять их из их естественной или исторической связи и, рассматривая каждую в отдельности, исследовать ее свойства, ее частные причины, действия и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и истории, т. е. тех отраслей науки, которые, по вполне понятной причине, занимали у греков классических времен лишь второстепенное место, потому что грекам нужно было раньше накопить необходимый для этого материал. Только после того, как естественно-научный и исторический материал был накоплен в достаточном количестве,

можно было приступить к критическому исследованию, сравнению, разделению на классы, роды и виды. Поэтому приемы точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода¹, а затем в средние века развивались дальше арабами. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на отдельные части ее, разделение различных явлений и предметов в природе на определенные классы, анатомическое исследование разнообразного внутреннего строения органических тел — все это было основным условием тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания за последние четыре столетия. Но тот же способ изучения оставил в нас привычку рассматривать предметы и явления природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — ни в движении, а в неподвижном состоянии, не как изменяющиеся существенным образом, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенное Бэконом и Локком из естествознания в философию, это мировоззрение создало характерную ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления.

¹ Александрийский период развития науки относится ко времени от III века до начала нашего летосчисления по III век этого летосчисления и получил это название от города Александрии в Египте (порт на Средиземном море), являвшегося одним из крупнейших центров международных хозяйственных сношений того времени. В этот период получили значительное развитие точные и естественные науки: математика (Евклид и Архимед), география, астрономия, анатомия, физиология и др.—
Ред.

Для метафизика вещи и их мысленные изображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непримиримыми противоположностями; речь его состоит из: «Да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует, или не существует; предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие также совершенно противоположны друг другу. Этот способ мышления потому кажется нам на первый взгляд вполне убедительным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, между четырьмя стенами, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится пуститься в далекий путь исследования. Точно так же и метафизический образ мышления, вполне законный и, смотря по характеру предмета, даже необходимый в известных, более или менее обширных областях, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием не видит их возникновения и исчезновения, за их покоем не видит их движения, за деревьями не видит леса. Мы, напр., в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени запутанный вопрос, трудности которого прекрасно изве-

стны юристам, тщетно пытавшимся открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момента смерти, так как физиология показывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень медленно совершающийся процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение остается тем же самым и все же не тем же самым. В каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, одни клеточки его организма отмирают, другие нарождаются, так что спустя известный период времени вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. Точно так же, при более точном исследовании, мы находим, что оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный и отрицательный — так же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, имеющие значение лишь в применении к отдельному случаю, но что если рассматривать отдельный случай в его общей связи с мировым целым, то эти представления растворяются в представлении о всеобщем взаимодействии, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь является следствием, станет в другое время или в другом месте причиной, и наоборот.

Все эти явления и методы мышления не вмещаются в рамки метафизического мышления. Для диалектики

же, которая берет вещи и их мысленные изображения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь, прежде всего, следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, суть продукты процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то это противоречие добытых научных результатов с вышеизложенным метафизическим способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и их читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человека, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только путем диалектики, только принимая постоянно в соображение общее взаимодействие между возникновением и исчезновением, между прогрессивными

ми изменениями и изменениями регрессивными. На такую именно точку зрения стала новейшая немецкая философия. Первым научным шагом Канта было превращение солнечной системы Ньютона, неизменной и вечной, — после того, как ей был однажды дан знаменитый первый толчок,— в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. Он уже пришел при этом к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущее исчезновение. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще полустолетием позже спектроскоп показал существование во вселенной таких раскаленных газовых масс различных степеней сгущения.

Свое завершение новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, величайшая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться нелепым клубком бессмысленных насилий, достойных перед лицом философского разума лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, представлялась как процесс развития самого человечества, и задача научной мысли свелась к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блуждавший и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, разрешила ли система Гегеля поставленную им задачу: его великая заслуга состояла в самой постановке этой задачи. Разрешение

ее не может быть делом единичного ума. Хотя Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но он все-таки был связан как неизбежной ограниченностью своих собственных знаний, так и ограниченностью — в смысле глубины и объема — знаний и взглядов своей эпохи. К этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалистом, т. е. его мысли не казались ему более или менее отвлеченными отражениями существующих в действительности вещей и явлений, а, наоборот, предметы и их развитие казались ему лишь воплощением «Идеи»¹, существовавшей где-то еще до сотворения мира. Таким образом, все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений вывернута наизнанку. И хотя Гегель сделал не мало верных и гениальных выводов относительно взаимной связи некоторых отдельных явлений, но все же упомянутые нами причины привели к тому, что и в частности его системы многое оказалось ошибочным, искусственным, натянутым, словом — извращенным. Гегелевская система как система была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. К тому же она страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, в основе ее лежало убеждение в том, что человеческая история есть процесс развития, ход которого по самой его природе не может найти своего умственного завершения открытием так называемой абсолютной истины, но, с другой стороны, его система претендует быть изложением этой именно абсолютной

¹ «Идея», «абсолютная идея» — основа философии немецкого идеалиста Гегеля. Под «абсолютной идеей» у Гегеля скрывалась идея бога.— Ред.

истины. Всобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, что, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать громадные успехи с каждым поколением.

Уразумение того, что господствовавший до тех пор в Германии идеализм совершенно ложен, должно было неизбежно привести к материализму, но, разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному, простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда равном себе целом, неизменно движущемся в одних и тех же ограниченных кругах с вечными мировыми телами, как учил о них Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил о них Линней, современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают и что эти движения по кругу, поскольку мы их вообще допускаем, принимают бесконечно большие размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и не нуждается в стоящей над прочими науками философии. Когда перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место в об-

щей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика, все же остальное входит в положительные науки о природе и истории.

Но между тем как указанный переворот в естественно-научном мирозерцании мог совершиться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующие положительные знания,— уже значительно раньше совершились исторические события, обусловившие собою решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание¹; с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов², достигло своей высшей точки. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей

¹ Восстание лионских рабочих-ткачей 1831 г. во Франции явилось ответом на расстрел рабочей манифестации во время забастовки за установление минимума заработной платы. Восставшие рабочие воздвигли по всему городу баррикады, в течение нескольких дней держали весь город в своих руках и были сломлены лишь присланными правительством на помощь лионской буржуазии регулярными войсками. — Ред.

² Чартистское движение в Англии происходило в 30—40-х годах прошлого столетия. Оно охватило собой огромное большинство английского рабочего класса и было первым самостоятельным политическим движением пролетариата. Именно в этом, как указывали Маркс, Энгельс и Ленин, заключалось его огромное историческое значение. Свое название

наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благополучии народа, которое будто бы должно явиться следствием свободной конкуренции. Невозможно уже было не считаться с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, правда, крайне несовершенным выражением. Но старое, идеалистическое, еще не вытесненное понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, как вообще оно не признавало никаких материальных интересов. Производство, как и все экономические отношения, упоминалось лишь между прочим, как второстепенные элементы «культурной истории».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что вся прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей классовой борьбы, что борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент результатом способов производства и общения, словом — *экономических* отношений своего времени. Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собою ту

(«чартистское») это движение получило от поданной рабочими в 1839 г. в парламент хартии (документа), излагающей их основные требования: 1) всеобщее избирательное право, 2) ежегодное переизбираемый парламент. 3) оплата содержания членов парламента, 4) тайное голосование при выборах в парламент. 5) равные избирательные округа, 6) отмена имущественного ценза для депутатов. Борьбу за эти требования рабочий класс Англии вел в течение нескольких лет путем стачек, демонстраций и вооруженных выступлений. — **Ред.**

реальную основу, свойствами которой объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории: он сделал его диалектическим, но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для объяснения человеческого сознания условиями бытия вместо прежнего объяснения бытия человеческим сознанием.

Поэтому социализм теперь уже не рассматривается как случайное открытие того или другого гениального ума, а как неизбежное следствие борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенный общественный строй, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средство для разрешения этой борьбы. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим взглядом на историю, как несовместимы были с диалектикой и с новейшим естествознанием воззрения французских материалистов на природу. Прежний социализм хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно не в состоянии был справиться с ним, — он мог лишь объявить его никуда не годным. Чем

сильнее восставал он против неизбежной при этом способе производства эксплуатации рабочего класса, тем менее был он в состоянии наглядно объяснить, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства и его исторической связи с определенным историческим периодом, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы разоблачить внутренний, до сих пор не раскрытый, характер этого способа производства. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и свойственной ему эксплуатации рабочих: что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на рынке, он все же извлекает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конце концов и образует ту сумму стоимостей, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капиталов. Таким образом было выяснено происхождение капиталистического способа производства, равно как и производство самого капитала.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны Марксу. Благодаря им социализм стал теперь наукой, которую в дальнейшем нужно лишь разрабатывать во всех ее деталях и в их взаимной связи.

III

Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством и обмен продуктов служат основанием всякого общественного строя; что в каждом историческом обществе распределение продуктов, а с ним и расчленение общества на классы или сословия зависит от того, как и что производится этим обществом и каким способом обмениваются произведенные продукты. Отсюда следует, что коренные причины социальных перемен и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в растущем полимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способов производства и обмена; другими словами — не в философии, а в экономике данной эпохи. Пробудившееся сознание неразумности и несправедливости существующего общественного устройства, убеждение в том, что «безумством мудрость стала, благо — злом», служит лишь указанием того, что в методах производства и в формах обмена незаметно совершились такие изменения, которым уже не соответствует общественный порядок, выкроенный по мерке старых экономических условий. Из сказанного ясно, что и средства для устранения сознанного зла должны заключаться — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся условиях производства. Ум человеческий не может изобрести эти средства, он должен открыть их в данных материальных фактах производства.

Что же мы можем сказать на основании этого о современном социализме?

Всеми признано, что существующий общественный строй создан господствующим теперь классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производ-

ства, называемый со времени Маркса именем капиталистического, был несовместим с местными и сословными привилегиями, равно как и с личными связями феодального строя; буржуазия разрушила феодальный порядок и воздвигла на его развалинах буржуазный общественный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев, словом — всех буржуазных прелестей. Капиталистический способ производства мог теперь развиваться свободно. С тех пор, как пар и машины превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, выработавшиеся под управлением буржуазии производительные силы стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли некогда в столкновение с феодальными узами цеховщины, крупная промышленность на более высокой ступени своего развития приходит в столкновение с узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы переросли буржуазные формы их эксплуатации. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который существует только в головах людей, — подобно конфликту между первородным грехом и божественной справедливостью, — а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли и поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как мысленное отражение этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности производителей на средства производства; в деревне господствовало земледелие мелких, свободных или крепостных крестьян, в городе — ремесло. Орудия труда — земля, земледельческие орудия, мастерские и ручные инструменты — были орудиями труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единичное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, несовершенными, ограниченными. Но потому-то они и принадлежали самим производителям. Концентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она исторически выполняла эту роль, начиная с XV столетия, на трех различных ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности, — подробно изображено в IV отделе «Капитала» Маркса¹. Но там же показано, что превратить ограниченные средства производства в промадные современные производительные силы буржуазия не могла, не превращая их из частных в *общественные*, приводимые в действие лишь усилиями *целого коллектива людей*. Вместо самопрялки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота по-

¹ Энгельс указывает здесь на I том «Капитала» Маркса, где в отделе IV (главы XI, XII и XIII) изложена история развития производства от мелкого ремесла к крупной машинной промышленности. На это Маркс кратко указывает также в главе XXIV I тома «Капитала». — Ред.

явились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо маленьких мастерских — громадные фабрики, требующие соединенного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда разрозненных усилий единиц в ряд общественных действий, а продукты — из произведения отдельного лица в продукты общественные. Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие теперь с фабрик и заводов, представляют собой продукт совместного труда множества рабочих, которые поочередно прилагали к ним свои усилия, пока, наконец, не получились готовые вещи. Никто в отдельности не может сказать о них: «Это сделал я, это мой продукт».

Но там, где основной формой производства является стихийное разделение труда в обществе, постепенно возникшее без всякого плана, там продукты неизбежно принимают форму *товаров*, обмен которых, купля и продажа, дают отдельным производителям возможность удовлетворить свои разнообразные потребности. Так и было в средние века. Крестьянин, напр., продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные произведения. В это-то общество товаропроизводителей-одиночек вклинился новый способ производства. В стихийную, без *всякого плана* сложившуюся форму разделения труда, царившую во всем обществе, он внес новую форму разделения труда, организованную *по плану* на отдельном заводе, рядом с *индивидуальным* производством появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на одних и тех же рынках, а следовательно по ценам по крайней мере приблизительно равным. Но плановая организация оказалась могущест-

венное стихийного разделения труда; продукты общественного фабричного труда стоили дешевле продуктов разьединенных мелких производителей. Индивидуальное производство терпело одно поражение за другим, общественное производство революционизировало, наконец, весь старый способ производства. Революционный характер последнего, однако, так мало сознавался, что оно, наоборот, вводилось именно ради усиления и поощрения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с известными, уже раньше его существовавшими рычагами производства и обмена товаров: торговым капиталом, ремеслами и наемным трудом. Ввиду того, что оно выступило как новая форма товарного производства, свойственные товарному производству формы присвоения также и для нее сохранили свою полную силу.

При той форме товарного производства, которая существовала в средние века, вопрос о том, кому должны принадлежать продукты труда, не мог даже и возникнуть. Они выделялись каждым отдельным производителем, обыкновенно из собственного материала, часто им же самим произведенного, собственными орудиями и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе свои продукты, они принадлежали ему по самому существу дела. Следовательно, право собственности на продукты основывалось *на собственном труде*. Даже там, где посторонняя помощь имела место на производстве, она в большинстве случаев играла лишь второстепенную роль и зачастую вознаграждалась не одною лишь заработной платою; цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради платы или содержания, сколько ради собственного обучения и подготов-

ки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их на деле в общественные средства производства. И с этими общественными средствами производства и продуктами продолжали поступать так, как будто они попрежнему оставались средствами производства и продуктами труда отдельных лиц. Если до сих пор собственник орудий труда присваивал, как правило, продукт своего собственного труда, в котором чужой труд участвовал лишь в виде исключения, то теперь собственник орудий труда продолжал присваивать себе продукты, хотя они производились уже не *его*, а исключительно *чужим трудом*. Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто фактически приводил в движение средства производства и был настоящим производителем продуктов, а *капиталистами*. Средства производства и производство по существу своему стали общественными; но их подчинили той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Новая форма производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что она устраняет ее предпосылки¹.

¹ Само собой понятно, что если форма присвоения и остается прежней, то характер его вследствие вышеописанного процесса революционизируется не в меньшей степени, чем и характер самого производства. Большая разница, присваивая ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда. Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором скрыт в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен. В одиночной, случайной форме мы встре-

Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе в зародыше все столкновения современности. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства, во всех наиболее влиятельных в экономическом отношении странах, тем самым оттесняя все дальше остатки индивидуального производства, тем резче должна была выступать несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже готовую. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, переходного положения для рабочего. Земледелец, занимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, продуктами которого он с грехом пополам мог существовать. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства приобрели общественный характер и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелких индивидуальных производителей все более и более обесценивались, и их владельцам не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталистам. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал общим правилом, основной формой всего производства; из побочного он превратился в единст-

--- ---
чаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него исторические условия. (Примечание Энгельса.)

всенное занятие рабочих. Рабочий, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса наемных рабочих чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному крушению феодального порядка, распуцению свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и пр. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, и производителями, лишенными всего, кроме рабочей силы. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявилось как противоположность между пролетариатом и буржуазией.*

Мы видели, что капиталистическое производство вклинилось в общество, состоявшее из отдельных товаропроизводителей, общественно связанных между собою лишь посредством обмена своих продуктов. Но особенность каждого общества, основанного на производстве товаров, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, сколько позволяют случайно имеющиеся в его распоряжении средства производства для удовлетворения своей особой потребности обмена. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве он может найти потребителей; никто не знает, найдет ли потребитель его товар, окупит ли он издержки производства, да и, вообще, будет ли он продан. В общественном производстве, господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои, присущие ему и неотделимые от него законы, которые проявляются, вопреки анархии, в ней, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохра-

нившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на производителей как принудительные законы конкуренции. Самим производителям они сначала неизвестны и открываются им лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они пролагают себе путь без участия производителей и против производителей в качестве слепо действующих естественных законов их [производителей] формы производства. Продукт господствует над производителями.

В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было рассчитано, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло прежде всего потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в земледелии, существовала личная зависимость, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали характера товара. Крестьянская семья сама производила все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и пищу. Производить на продажу она начинала тогда только, когда у нее оставался излишек от собственного потребления, и после уплаты натуральных повинностей господину; этот пущенный в обмен излишек становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, с самого начала производить для обмена. Но они сами же производили большую часть нужных для собственного потребления предметов, они имели сады и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен и шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынков, устойчивый спо-

соб производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, тесное единение в местной среде: марка в деревнях, цехи в городах¹.

С расширением же товарного производства и в особенности с появлением капиталистического способа производства дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать с большей силой и ясностью. Старые союзы расшатались, былая замкнутость была прервана, и производители все более и более превращались в разъединенных и независимых товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу и принимала все большие и большие размеры. А между тем главнейшее орудие, с помощью которого капитализм усиливал анархию в общественном производстве, представляло собою прямую противоположность анархии; оно состояло в усилении общественной организации производства в каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной устойчивостью. Проникая в любую отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия² и следовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба не ограничивалась уже местными,

¹ Марка — т. е. земельная община.

² Великие географические открытия относятся ко второй половине XV и первой половине XVI столетий. Важнейшие из них: открытие в 1492 г. Америки Христофором Колумбом и открытие в 1498 г. португальцем Васко-де-Гамой морского пути в Индию.— Ред.

единичными производителями; местная борьба разрослась, в свою очередь, до размеров национальной борьбы, до торговых войн XVII и XVIII столетий¹. Наконец, крупная промышленность и возникновение всемирного рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время придали ей неслыханную напряженность. От обладания естественными или искусственно созданными выгодными условиями производства зависит теперь существование не только отдельных капиталистов, но и целых отраслей промышленности и даже целых стран. Победенные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за индивидуальное существование², возведенная в степень и перенесенная из царства природы в человеческое общество. Естественное состояние животных представляется венцом человеческого разви-

¹ Торговые войны XVII и XVIII столетий велись между Португалией, Испанией, Голландией, Францией и Англией за овладение торговлей с Индией и Америкой и эксплуатации их в качестве колоний. Из этих войн победительницей вышла Англия, в руках которой оказалась к концу XVIII столетия вся мировая торговля. — **Ред.**

² Согласно учению Дарвина, все виды животных развиваются в силу: 1) их способности приобретать новые качества, приспособляясь к окружающим условиям в борьбе за свое существование; 2) наследственности, т. е. передачи вновь приобретенных качеств следующим поколениям, и 3) выживания в борьбе за существование наиболее приспособленных, т. е. естественного отбора путем этой борьбы за существование. «Дарвин не понимал, — говорит Энгельс, — какую горькую сатиру написал он на людей и в особенности на южных земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое завоевание, является нормальным состоянием мира животных». — **Ред.**

гия. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе.*

В этих двух формах проявления того противоречия, которое свойственно ему в силу его происхождения, безвыходно движется капиталистическое производство, описывая тот «порочный круг», который в нем [в капиталистическом производстве] открыл еще Фурье. Но во времена Фурье еще невозможно было видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Неумолимая сила общественной анархии производства превращает постоянно возрастающее большинство человечества в пролетариев, а пролетариат, в свою очередь, положит конец анархии производства. Та же неумолимая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, служащих крупной промышленности, в безусловную обязанность для каждого отдельного капиталиста непрерывно совершенствовать свои машины под страхом разорения. Но совершенствовать машины — значит делать излишним человеческий труд. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает все более и более усиленное вытеснение самих рабочих при машинах и образование усиленного предложения рабочих рук, превышающее средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует промышленную резервную армию, как я на-

звал ее еще в 1845 г.¹, являющуюся к услугам производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую крахом, неизбежно следующим за каждым оживлением. Эта армия, постоянно висящая свищовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором рабочей платы, постоянно удерживая ее на низком уровне, соответственно потребностям капиталистов. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, является сильнейшим оружием капитала против рабочего класса, что орудие труда постоянно вырывает хлеб из рук трудящегося и собственным продуктом рабочих превращается в средство для их порабощения. Оказывается, что сбережение в издержках производства является в то же время самой беззащитной растратой рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям труда; что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство обращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, всегда готовое к услугам капитала. Оказывается, что чрезмерный труд одной части рабочего класса обуславливает полную безработицу другой его части, что крупная промышленность, по всему свету гоняющаяся за потребителями, доводит у себя дома потребление рабочих масс до ничтожного минимума и таким образом подрывает свой собственный рынок. «Закон, по которому относительное перенаселение или резервная промышленная армия постоянно находится в равновесии с размером и силой накопления капитала, — этот закон приковывает рабочего к капиталу

¹ В книге «Положение рабочего класса в Англии».

крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает соответствующее накоплению капитала накопление нищеты. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе означает накопление нищеты, изнурения, рабства, невежества, огрубения и нравственного вырождения на противоположном полюсе, т. е. в среде того класса, *продукт труда которого становится капиталом*» (Маркс, «Капитал»). Требовать от капиталистического способа производства другого распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь в соединении с нею, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Мы видели, как способность к усовершенствованию, доведенная современными машинами до высочайшей степени, превратилась, вследствие анархии общественного производства, в неумолимый закон, принуждающий отдельных промышленных капиталистов постоянно улучшать свои машины и увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства. Громадная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается детской игрушкой, проявляется теперь в виде *потребности* расширять ее и качественно и количественно, она преодолевает любое противодействие. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией.

Расширение рынков не может идти в уровень с расширением производства. Столкновение становится неизбежным, и так как оно не в состоянии разрешить конфликта до тех пор, пока оно не взорвет самый капиталистический способ производства, оно становится периодическим. Капиталистическое производство создает новый «порочный круг».

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов, вместе с их более или менее варварскими придатками, приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит уничтожается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к существованию именно по той причине, что они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится целые годы, массы производительных сил и продуктов уничтожаются и расточаются, пока накопившиеся товары не разойдутся, наконец, по более или менее пониженной цене и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-по-малу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место безумному карьеру, настоящей скачке с препятствиями промышленности, торговли, кредита и спекуляции, чтобы, после отчаянных скачков, снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова. С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой. Характер этих кризисов до такой сте-

пени очевиден, что Фурье определил их все разом, назвавши первый из них *crise pléthorique*, кризисом от излишка.

В кризисах противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявляется бурно. Обращение товаров на время прекращается; деньги из орудия обращения становятся его препятствием, все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономические противоречия доходят до своей высшей точки, — *способ производства восстает против способа обмена.*

Тот несомненный факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигает такой степени развития, на которой она становится несовместимой с существующей рядом с нею и над нею анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря совершающейся во время кризисов насильственной концентрации капиталов путем разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства, они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и резервная армия рабочих. Средства производства, жизненные припасы, рабочие руки, все элементы производства и общего благосостояния находятся в избытке. Но, как говорит Фурье, этот «избыток становится источником нужды и лишений», потому что именно он-то и препятствует превращению в капитал средств производства и потребления, ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут функционировать иначе, как пре-

вратившись в капитал, т. е. в орудие эксплуатации человеческой рабочей силы. Как привидение, стоит между рабочими и средствами производства и потребления необходимость превращения этих средств производства и потребления в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим жить и трудиться. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства сам обнаруживает свою неспособность к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны — сами производительные силы с возрастающей силой стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от своих свойств капитала, к фактическому признанию их характера — характера общественных производительных сил.

Это сопротивление мощно возрастающих производительных сил против своих свойств капитала, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще рассматривать их как общественные производительные силы, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и общения, как, напр., железные дороги, по самому существу своему до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступе-

ни развития становится недостаточной и эта форма: все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму предполагаемого продукта, распределяют ее между собою и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в торговле большей частью распадаются, то они этим самым вызывают еще большую концентрацию производства. Целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, внутренняя конкуренция уступает место внутренней монополии этого общества. Так это случилось в 1890 г. с английским производством щелочей, которое после слияния всех 48 крупных фирм перешло в руки единственного, руководимого единым центром, общества с капиталом в 120 миллионов марок.

В трестах конкуренция превращается в монополию¹, а бесплановое производство капиталистического об-

¹ Маркс в «Капитале» отметил тенденцию превращения конкуренции в монополию. Энгельс уже после смерти Маркса имел возможность наблюдать развитие этой тенденции. С тех пор эта монополия чрезвычайно развилась, превратившись в характернейшую черту современного капитализма — империализма.

«Империализм, — пишет Ленин, — вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономиче-

щества капитулирует перед плановым производством вторгающегося социалистического общества. Правда, сначала только в пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами, с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, государство, как официальный представитель капиталистического общества, вынуждено¹ взять на себя руководство производством. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего

ски основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 141—142).—Ред.

¹ Я говорю: «вынуждено», так как лишь в том случае, если средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда переход их в ведение государства станет экономически неизбежным. только тогда, — даже если его совершит современное го-

для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог.

Если кризисы показали неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производительных предприятий и средств сообщения в руки акционерных компаний, трестов и государства доказывает ее ненужность для этой цели. Наемные служащие испол-

сударство, — он будет экономическим прогрессом, шагом вперед по пути к переходу всех производительных сил в руки самого общества. Но в последнее время, с тех пор, как Бисмарк начал специализироваться в созидании государственных монополий, появился особого рода фальшивый социализм, проявляющийся то там, то тут в виде особого рода добровольного лакейства, объявляющего без всяких затруднений социализмом всякое, даже бисмарковское, обращение средств производства в государственную собственность. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское правительство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог, когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии ради удобства эксплуатации и пользования ими в случае войны, ради образования из железнодорожных чиновников послушного вотирующего за правительство стада, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода — то все это ни в коем случае не было социализмом, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе прусский государственный банк, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии должны быть признаны социалистическими учреждениями или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости! (Примечание Энгельса.)

няют теперь все общественные функции капиталистов. Для самих капиталистов не осталось другой общественной деятельности, кроме заграбления доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Капиталистический способ производства, вытеснивший сперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов, правда, пока еще не в резервную армию промышленности, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не отнимают, однако, у производительных сил их свойств капитала. Относительно акционерных компаний и трестов это очевидно. Что же касается современного государства, то оно есть не что иное, как организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих, внешних условий капиталистического производства от посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов. Какие бы формы ни принимало современное государство, оно остается механизмом чисто капиталистическим, государством капиталистов, идеальным совокупным капиталистом. Чем больше производительных сил захватит оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не устраняются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает противоречий капитализма, но она заключает в себе формальное средство, рычаг их разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в фактическом признании общественной природы современных производительных сил, следовательно в приведении способов производства, присвоения и обмена в соответствие с общественным характером средств производства. А этого можно достигнуть только путем прямого и открытого захвата обществом производительных сил, переросших всякий другой способ их использования. Общественный характер средств производства и его продуктов, проявляющийся теперь с разрушительной силой слепого закона природы, обрушивающийся против самих производителей, периодически нарушающий ход производства и обмена, будет тогда сознательно проведен в жизнь производителями и превратится из причины неурядицы и периодических катастроф в сильнейший рычаг производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно и разрушительно, пока мы не понимаем их и не считаемся с ними. Но раз мы узнали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер,— а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники,— до тех пор производительные силы действуют помимо нас и против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках объединившихся производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разруши-

тельной силой молнии из грозовой тучи и электричеством, покорно действующим в телеграфном аппарате или дуговой лампе, между пожаром и огнем, управляемым фуками человека. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественным производством, организованным по плану, рассчитанному на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, уступит место новому способу присвоения, основанному на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямому общественному присвоению продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямому индивидуальному присвоению их в качестве средств существования и потребления.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая, под страхом собственной гибели, должна совершить этот переворот. Заставляя все более и более обращать в государственную собственность крупные обобщественные средства производства, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство. Существовавшему и существующему до

сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности, для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо было бы держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы [крайности], которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества, — взятие во владение средств производства от имени общества — является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засы-

пает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство «не отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную¹. На основании этого следует оценивать также требования так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра².

С тех пор, как на сцену истории выступило капиталистическое производство, переход всех средств производства в собственность всего общества часто мерещился в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но возможным и исторически необходимым он стал лишь тогда, когда явились материальные условия для его осуществления. Как и всякий другой общественный прогресс, такой переход становится возможным не потому, что осознано, что существование классов противоречит идее справедливости, равенства и т. п., не вследствие простого желания уничтожить классы, а лишь при наличии известных новых экономических условий. Разделение общества на классы, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные, было неизбежным следствием прежнего

¹ О «свободном народном государстве» см. К. Маркс, «Критика Готской программы». — Ред.

² Анархисты (Прудон, Бакунин и др.) не понимают сущности государства и отрицают значение революционной власти, революционной роли государственной власти в руках победившего пролетариата. Их требование уничтожить государство немедленно означало бы обезоружение революции. — Ред.

недостаточного развития производства. Пока совокупность результатов общественного труда едва превышает самые необходимые средства существования, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства общества, до тех пор оно неизбежно делится на классы. Рядом с огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и ведающий общественными делами: руководством в работе, государственным управлением, правосудием, науками, искусствами и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, обмана и хитрости при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочить свое положение за счет трудящихся классов и превращать управление общественными делами в усиленную эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы и имело известное историческое оправдание, то оно имело его лишь для данного периода и при данных общественных условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет сметено после полного развития современных производительных сил. И действительно, уничтожение общественных классов предполагает достижение той ступени исторического развития, на которой является анахронизмом не только господство того или другого определенного класса, но и вообще всякое классовое господство, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно¹, уничтожение клас-

¹ Ликвидация эксплуататорских классов уже осуществилась в СССР. В своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном

сов предполагает такую высокую степень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов,— а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства,— не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и умственного развития. Эта степень теперь достигнута. Политическое и умственное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которых оно не может использовать, и остается беспомощным перед бессмысленным противоречием, лишаящим производителей возможности потреблять именно потому, что на продукты нет потребителей. В своем могучем росте средства производства разрывают оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение от этих оков есть единственное предварительное условие беспрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного увеличения самого производства. Но это еще не все. Об-

съезде советов товарищ Сталин сказал: «Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными» (И. В. Сталин, «Доклад о проекте Конституции Союза ССР». Партиздат, 1936 г., стр. 11—12).

ращение средств производства в общественную собственность устранил не только нынешние искусственные препятствия правильному его ходу, но также неизбежную теперь фактическую растрату и порчу производительных сил и продуктов, достигающую высших размеров во время кризисов. Сверх того, оно сбережет для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность—путем общественного производства—обеспечить всем членам общества вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, а также полное развитие и использование их физических и умственных способностей,—эта возможность достигнута теперь впервые, но она *действительно достигнута*¹.

Вместе с захватом средств производства обществом устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями. Анархия об-

¹ Несколько цифр могут дать приблизительное понятие о невероятной способности к расширению современных средств производства даже под капиталистическим гнетом. По новейшим вычислениям Гиффена, общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

В 1814 г.	2 200 млн. фунт. стерл.,	или 22 млрд. рублей
„ 1865 „	6 100 „ „ „ „	61 „ „
„ 1875 „	8 500 „ „ „ „	85 „ „

Что же касается уничтожения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников (в Берлине 21 февраля 1878 г.) было установлено, что общая потеря одной только германской железной промышленности достигла во время последнего кризиса 225 миллионов рублей. (Примечание Энгельса.)

ществленного производства заменяется организацией его по заранее обдуманному плану. Прекращается индивидуальная борьба за существование. Таким образом, человек окончательно в известном смысле выделется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Жизненные условия, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы в той мере, как они становятся господами своих

В дополнение к цифрам, приводимым Энгельсом, мы даем цифры, выражающие дальнейший рост богатства Англии, вычисленные по тому же методу Гиффена:

В 1835 г.	10 000	млн. фунт. стерл., или	100	млрд. рублей
„ 1895 „	10 600	„ „ „ „	106	„ „
„ 1905 „	13 000	„ „ „ „	130	„ „
„ 1913 „	14 300	„ „ „ „	143	„ „

Что же касается размеров уничтожения производительных сил в результате современного кризиса, то об этом дают понятие следующие цифры двух первых годов нынешнего кризиса (обозначают миллиарды долларов):

	Национальное богатство		Национальный доход	
	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.
САСШ	400	240	90	54
Англия	115	69	19	11,4
Германия	80	48	15,5	9,3
Франция	68	51	9	6,7
Италия	30	18	5	3

Надо иметь в виду, что 1932 и последующие годы принесли дальнейшее катастрофическое расхищение производительных сил. — Ред.

собственных общественных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, вполне сознательно применяются ими и, следовательно, подчиняются их господству. Общественное бытие, до сих пор казавшееся людям как бы дарованным свыше природой и историей, становится их собственным, свободным делом. Объективные, таинственные силы, господствовавшие над историей,ступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы.

В заключение подведем итоги изложенному нами ходу развития:

I. Средневековое общество: Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального потребления и потому, естественно, неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов самим ли производителем или его феодалным господином. Лишь там, где оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, излишек этот поступает в продажу и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится в зачаточном состоянии; но оно уже и в это время заключает в себе зародыш *анархии общественного производства*.

II. Капиталистическая революция: Переворот в промышленности, совершившийся сначала посредством

простой кооперации и мануфактуры. Концентрация разбросанных до сих пор средств производства в больших мастерских и превращение их этим путем из средств производства отдельных лиц в общественные, превращение, вообще говоря, не коснувшееся формы присвоения. Старые формы присвоения остаются в полной силе. Появление капиталиста: в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и обращает их в товары. Производство становится общественным делом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальным актом, делом единиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности.

а) Отделение производителя от средств производства. Обречение рабочего на пожизненный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией*.

б) Возрастающий вес и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Необузданная конкуренция. *Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом*.

в) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение с фабрик рабочих: *возникновение резервной армии промышленности*. С другой стороны — беспредельное расширение производства, также обра-

тившееся в принудительный закон конкуренции для каждого фабриканта. С обеих сторон — неслыханное развитие производительных сил, превышение спроса над предложением, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: с одной стороны — *излишек средств производства и продуктов*, с другой — *излишек рабочих без занятий и без средств существования*. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам двигаться иначе, как под условием предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает против формы обмена*. Буржуазия уличается, таким образом, в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами.

г) Частичное признание общественного характера производительных сил, к которому принуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — сперва в собственность *акционерных компаний*, позже трестов, а затем и *государства*. Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

III. Пролетарская революция: Разрешение противоречий: пролетариат захватывает общественную власть и обращает с помощью этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в общественную собственность. Этим он освобождает производительные силы от их существовавшего донь-

не свойства как капитала и дает полную свободу развития их общественной природе. Таким образом, становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, замирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия и самую природу этого переворота и таким образом выяснить призванному к его совершению, ныне угнетенному классу условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

КНИГА ЭНГЕЛЬСА «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»

Работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» впервые вышла в 1880 г. на французском языке в Париже.

Обстановка, в которой была написана эта книга, охарактеризована Лениным в его статье от 14 марта 1913 г. «Исторические судьбы учения К. Маркса». Он говорит о научном коммунизме: «Впервые Маркс выдвинул его в 1844 году. «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1848 году, дает уже цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения. Всемирная история с этого времени делится явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции»¹.

«Революция 1848 года, — говорит далее Ленин, — наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам до-марксовского социализма»² — сен-симонизму, фурьеризму и так называемому «истинному социализму» в Германии.

Парижская Коммуна (1871 г.) — это первый удар пролетариата по капитализму. Буржуазия окончательно становится классом реакционным, в центре всемирной

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 331.

² Там же.

истории выступает пролетариат как самая прогрессивная сила общества.

Известно, что только благодаря героизму пролетариата во Франции после Парижской Коммуны сохранилась буржуазная республика, а не восстановилась монархия или бонапартистская империя, как этого хотела буржуазия. В Германии, Англии и других странах пролетариат вместе с трудящимися массами выступал против остатков средневековых феодальных, монархических учреждений, за демократические права и свободы. После Парижской Коммуны начинается второй период всемирной истории, период подготовки пролетариата к социалистической революции.

«Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — идет *вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам»¹.

В ожесточенной борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными идеологиями в рабочем движении марксизм к 1890 г. одержал победу.

Бакунисты-анархисты были изгнаны из I Интернационала еще в 1872 г. Правда, анархисты удерживали еще позиции в Италии, Испании и в ряде других стран со слабо развитой промышленностью. В Англии развивался трэд-юнионизм. Все эти течения вы-

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 332.

ступали против марксизма, тормозили классовую борьбу пролетариата.

Бланкисты проводили тактику заговоров «революционного меньшинства» и мешали развитию революционного массового движения пролетариата. Прудонисты стояли на почве мелкой частной собственности и товарного производства, порождающего капитализм, и проповедывали мелкобуржуазную уравниловку, теорию «взаимных услуг» и уничтожение денег в условиях капитализма.

Как идеологи анархизма, Прудон и Бакунин отрицали революционную борьбу пролетариата против буржуазии, они боролись против диктатуры пролетариата как орудия уничтожения классов и построения бесклассового, социалистического общества.

Анархисты требовали «взрыва» государства, отмены его сразу. Таким образом на словах они были против «всякой власти» как «насилия», а на деле — против диктатуры пролетариата, против коммунистической партии, ее железной дисциплины, необходимой для победы над капитализмом. Борясь с революционной дисциплиной пролетариата и его партии, анархисты помогали и помогают буржуазии удержаться у власти. Трэд-юнионисты развращали пролетариат своей соглашательской политикой с буржуазией, они проводили буржуазную политику мелких реформ и борьбы за «пяточок», политику штопанья капитализма.

Марксизм победил эти учения и все больше проникал в гущу рабочих масс. Пролетариат убеждался в истинности и правдивости учения Маркса и Энгельса, в ошибочности и враждебности других социальных учений.

На основе марксистской теории и тактики возникли рабочие партии, которые в 1889 г. объединились во II Интернационал.

В 1880 г. вождь французской социалистической партии Гэд приехал в Лондон к Марксу и Энгельсу специально для составления программы партии, обра-

зовавшейся в 1879 г. Маркс действительно помог Гэду составить теоретическую часть программы. С практическими требованиями программы Маркс остался не согласен.

В 1875 г. создалась Германская социал-демократическая партия, в которой объединились так называемые «эйзенахцы», руководимые В. Либкнехтом и находившиеся под влиянием марксизма, и лассальянцы.

Острая борьба марксизма с оппортунистическими мелкобуржуазными теориями продолжалась. Во французской социалистической партии выступило сразу оппортунистическое крыло во главе с Малоном и Бруссом (отсюда бруссисты), отвергавшее революционные цели и средства борьбы и предлагавшее приспособляться к капитализму.

Гэда и Лафарга они бранили, называя их рупорами Маркса и Энгельса.

В Германии вожди «эйзенахцев», и в частности В. Либкнехт, пошли на большие уступки лассальянцам в программных вопросах и в таком коренном вопросе марксизма, как государство и диктатура пролетариата. Рабочие массы не пошли за лассальянцами, а приняли марксизм. Революционный пролетариат в Германии не поддался также влиянию прудониста Мюльберга, выступившего в начале 1870 г., и Дюринга, выступившего в 1875—1877 гг. (о нем будет сказано ниже). Усиление рабочего движения в Германии, благодаря развитию промышленности и распространению марксизма среди рабочих, вызвало большое беспокойство среди буржуазно-помещичьей правящей верхушки Германии. Германская социал-демократия получила на выборах в рейхстаг в 1871 г. 119 тысяч, а в 1877 г. уже 493 тысячи голосов.

Правительство Бисмарка ввело поэтому в октябре 1878 г. исключительный закон против социалистов. При содействии «либеральной» буржуазии этот закон просуществовал до 1890 г.

На основании этого закона запрещалась печать, ведущая социалистическую пропаганду, рабочие органи-

зации и т. д.; особый параграф давал право вводить осадное положение, арестовывать и высылать революционных рабочих и т. д. Руководство германской социал-демократии вначале растерялось. В. Либкнехт заявил в рейхстаге, что «партия подчиняется закону о социалистах, потому что она является партией реформ в строгом смысле этого слова и насильственное «делание» революции считает вообще бездушием». Энгельс отмечал, что социал-демократические депутаты пыгались выклянчить отмену исключительного закона такого рода оппортунистическими заявлениями. Руководство германской социал-демократии не проявило стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон»¹.

Но рабочие массы начали борьбу против исключительного закона и под руководством Маркса и Энгельса опять исправили ошибки руководства. В течение всего этого периода Маркс и Энгельс критикуют оппортунистические ошибки руководства германской социал-демократии, разоблачают правых и «левых» оппортунистов и выправляют линию партии, опираясь на революционные рабочие массы. Вот почему, несмотря на осадное положение, аресты, высылку (было выслано до 900 рабочих), закрытие социалистической печати (запрещено 1300 периодических и неперiodических изданий, закрыто 332 рабочих организации), Бисмарку не удалось сломить рабочей партии. Его политика потерпела крах. Социал-демократия вела успешно нелегальную работу, провела три партийных съезда (1880 г., 1882 г., 1887 г.) и на выборах 20 февраля 1890 г. завоевала до полутора миллионов голосов. Развивалось революционное движение и в России. Маркс и Энгельс придавали ему большое значение, так как оно было направлено против оплота европейской реакции — царского самодержавия. «Положительно кажется, — писал Энгельс Бебелю в 1875 г., —

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 31.

что на этот раз Россия первая пустится в пляс»¹ (т. е. начнет революцию. — М. К.).

Уже здесь дана Энгельсом в зародыше та мысль, развитая Лениным в 1894—1905 гг., что русская революция явится прологом к европейской социалистической революции.

В 1883 г. возникла за границей «Группа освобождения труда», первая русская марксистская группа, возглавляемая Г. В. Плехановым и В. Засулич.

Энгельс приветствовал возникновение этой группы и помогал ей своими советами, указаниями, критикой взглядов народничества. Вся тяжесть борьбы в 1880—1889 гг. ложилась на плечи Энгельса. Маркс был уже тяжело болен, особенно после смерти жены (2 декабря 1881 г.).

14 марта 1883 г. Маркс умер. Энгельс продолжал его дело. После смерти Энгельса (1895 г.) Лениным и Сталиным было развито учение Маркса и Энгельса.

Такова вкратце, в общих чертах, историческая обстановка появления книги Энгельса.

* * *

Работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» возникла из трех глав его большой полемической работы «Анти-Дюринг».

Дюринг выступил с трескучими фразами и невежественной высокопарной галиматией против научного социализма Маркса и Энгельса. Дюринг хвастливо объявил себя «истинным пророком социализма». У него даже нашлось много «доброжелателей» и сторонников среди оппортунистической части германской социал-демократии.

Энгельс подверг Дюринга беспощадной критике и показал полное невежество его в истории социализма. Он показал, что Дюринг вульгаризирует и опошляет даже до-марксовский утопический социализм и материализм, повторяет зады идеализма Канта.

¹ Маркс—Энгельс, Архив, т. I (VI), стр. 96.

Относясь с презрением к великим социалистам-утопистам XIX века (Сен-Симону, Фурье, Оуэну), к диалектике Гегеля, учению Маркса, сам Дюринг повторял буржуазные пошлости и совершал то и дело плагиат (литературное воровство) у Гегеля и Маркса.

Дюринг изложил свои взгляды туманным, высокопарным и путанным языком. Так как понять его было крайне трудно и повторять эту путаницу тоже не было никакой нужды, то Энгельс решил дать наряду с уничтожающей критикой Дюринга в своей работе «Анти-Дюринг» краткое популярное изложение в положительной форме, без полемики с Дюрингом, чтобы дать понятие массам о научном социализме.

И эта книга, действительно, стала и остается до сих пор лучшим пособием по теории научного социализма наряду с другими великими классическими работами основоположников марксизма-ленинизма.

* * *

Остановимся кратко на содержании книги Энгельса.

В первой главе Энгельс дает:

1. Краткое изложение исторического развития общества и общественной мысли, предшествующего возникновению научного социализма.

2. Показывает неразрывную историческую преемственность и связь научного социализма с предшествующими великими учениями и его принципиальное отличие от них.

3. Дает в связи с этим краткую характеристику и критическую оценку учений великих просветителей XVIII века и великих социалистов XIX века.

В самом начале книги Энгельс дает общее определение и понятие о новейшем социализме. По своему содержанию этот социализм является прежде всего результатом наблюдения и изучения причин, господствующих при капитализме анархии производства и

классовых противоречий между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими. Материальные корни идей социализма, следовательно, находились в экономике общества, в материальных экономических фактах.

«Но по своей теоретической форме он кажется на первый взгляд только дальнейшим и как бы более последовательным развитием принципов, выдвинутых великими просветителями XVIII века». (См. настоящую книгу, стр. 19).

Таков вообще закон развития каждого великого учения. Корни его находятся в материальных условиях жизни людей, в борьбе классов. Но каждое учение исходит из накопленного до него идейного материала прежних учений. Как этот материал используется, перерабатывается, в какую сторону развивается, — это определяется бытием и интересами того общественного класса, представителями которого являются данные теоретики. Вот почему Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин показывают всегда и *материальные корни идей, и теоретические, идейные источники их из предшествующих учений.*

Мы это особо подчеркиваем, ибо оппортунисты, извращавшие учение Маркса, *отрывали марксизм от его великих предшественников*, а с другой стороны, не показывали принципиальной разницы между марксизмом и его предшественниками — английской политической экономией, французским социализмом и немецкой классической философией.

Параллельно с чтением первой главы необходимо прочесть статью Ленина «Три источника и три составных части марксизма», а также вторую главу его статьи «Карл Маркс». Здесь Ленин выступает против оппортунистов, подчеркивает, что марксизм является прямым и непосредственным продолжением великих учений XVIII и XIX веков. Вместе с тем Ленин показывает отличие научного социализма от утопического, показывает, как Маркс подверг критике и переработке все предшествующие ему учения.

Кто же были великие просветители XVIII века, предшественники новейшего социализма? Они были идеологами революционной буржуазии и мелкой буржуазии, борющейся с феодализмом, крепостничеством. Они выставили лозунги свободы, равенства и братства, боролись за просвещение (отсюда и название) против невежества. Они боролись против деспотизма и тирании абсолютной монархии, самодержавия, против гнета церкви — оплота крепостников, против мракобесия и религиозных предрассудков, против пороков дворянства и его режима.

К просветителям принадлежали Вольтер, Руссо, Дидро и др. Руссо — идеолог мелкой буржуазии, наиболее яркой защитник идеи свободы, равенства и братства. Государство по Руссо — это общественный договор, власть должна выражать общую волю всех граждан, а если она ее не выражает, то такую власть народ имеет право свергнуть, учил Руссо. Но Руссо не был материалистом и атеистом. Он был деистом, т. е. верил в бога. Он считал бога разумом, который господствует во вселенной. Все просветители боролись за свободу мысли, слова, за свободу совести.

Французские материалисты — Дидро, Гольбах, Гельвеций и др. — живо, остроумно высмеивали религиозные предрассудки, попов, церковь, вели антирелигиозную пропаганду. Им казалось, что, стоит только просветить народ, и сознание людей сразу изменится, их пороки и предрассудки исчезнут, а вслед за этим создастся разумный общественный строй. Все, что до них было в истории, они считали продуктом невежества народа и обмана, продуктом ошибок правителей, злой воли тиранов, мракобесов, церковью и попов. В России к просветителям принадлежали Ломоносов, Новиков, Радищев, декабристы; из писателей, критиков и публицистов — Пушкин, Белинский, Чернышевский, Писарев, Некрасов и др.

Все просветители ошибались однако, считая, что идеи «правят миром», т. е. что идеи являются основными движущими силами истории. Они не понимали

роли борьбы классов, не понимали и материальных корней идей.

Энгельс упоминает о более раннем и первом проявлении утопического социализма. Имея в виду работы: Томаса Мора «Утопия», Кампанеллы «Город Солнца», Морелли «Кодекс природы» и «Манифест равных» (выпущенный организацией Бабефа в 1796 г.). Все эти социалисты-утописты требовали уничтожения классовых различий и неравенства, роскоши праздных классов и нищеты народа. Но так как крупное производство не было развито, производительность труда была не высока, и они исходили в своих планах общественного переустройства из преобладавшего тогда мелко-ремесленного и крестьянского хозяйства, то коммунизм им представлялся в виде всеобщего уравнивания жизненных условий, в виде уничтожения роскоши и наслаждений (а иногда и в виде ограничения развития науки и искусства), сведения жизненных потребностей лишь к необходимым потребностям простой, суровой, аскетически-монашеской, спартанской жизни (Морелли, Мабли). Марксистский, научный социализм исходит из крупного машинного производства, из высокоразвитых производительных сил и отвергает такого рода «коммунизм» и уравниловку, как не раз подчеркивали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Но это отнюдь не означает отрицания великой исторической роли этих ранних утопистов.

Марксизм относится к ним с достойным уважением, так же как и к другим своим великим предшественникам, и прежде всего к великим социалистам-утопистам XIX века — Сен-Симону, Фурье и Оуэну. Их взгляды Энгельс разбирает, подробно останавливаясь как на достоинствах, так и на недостатках их учения.

Во второй главе Энгельс показывает философские источники и основы научного коммунизма, дает краткую характеристику диалектического материализма — этого «коренного тесоретического основания марксизма» (Ленин), его «критического революционного метода», «души марксизма», как говорит товарищ Сталин.

Энгельс кратко останавливается на развитии и достижениях философии и естествознания нового времени, но связывает его с историей древнего мира. Аристотель и греческие философы, говорит Энгельс, «были рожденными диалектиками». Но их диалектика давала только изображение общей картины движения, не определяя деталей законов движения отдельных процессов, ибо тогда наука, естествознание не давало еще этого. Естествознание, развивавшееся в новое время вместе с развитием промышленности и торговли, ростом городов и буржуазии, занялось изучением отдельных процессов, накоплением материала, опытов, наблюдений, но впало в метафизику, упустило общую связь и развитие процессов, их происхождение и переходы из одной формы в другую.

Показывая это, Энгельс дает очень яркую, глубокую характеристику диалектического и метафизического метода мышления. Он подчеркивает, что в природе все происходит диалектически, т. е. развивается через противоречия, скачки, переходы количественных изменений вещей в качественные и обратно, отрицание старого и возникновение нового. «Природа есть пробный камень диалектики».

Энгельс говорит о значении теорий Канта и Лапласа о происхождении солнечной системы, об элементах диалектики в философии Декарта, Спинозы, в сочинении Дидро «Плещанник Рамо» и Руссо «О происхождении неравенства между людьми». Он говорит о целой энциклопедии диалектики у идеалиста Гегеля, вскрывает внутреннее противоречие между системой и методом Гегеля. Тут же Энгельс показывает, что старой философии, которая пыталась стать над другими науками и заменять их, пришел конец, ибо вместо изучения действительных связей и законов природы и истории общества она занималась «сочинением», выдумыванием их из головы.

Энгельс показывает, что этой философии наступил конец с тех пор, как Маркс открыл материалистическое понимание истории и «идеализм был изгнан из

последнего убежища, из области истории». Благодаря этому и другому великому открытию Маркса — «разоблачению тайны капиталистического способа производства», учению о прибавочной стоимости, о законах развития и гибели капитализма, — «социализм стал наукой», которую нужно разрабатывать дальше. Эту разработку после Маркса и Энгельса продолжили их гениальные последователи — Ленин и Сталин.

В третьей (последней) главе Энгельс применяет материалистическое понимание истории к анализу основных противоречий капитализма, ведущих его к неизбежной гибели. Основное противоречие капитализма — это противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Оно выражается в анархии производства, в антагонизме между буржуазией и пролетариатом, в периодических все более ужасных кризисах.

Ярко, популярно Энгельс объясняет, как проявляются эти противоречия в реальной жизни, как конкуренция разоряет мелких производителей и приводит к господству монополий, как капиталисты становятся совершенно паразитическим классом, передавая организацию производства своим наемным агентам (директорам, трестовикам, инженерам и т. д.) и занимаются лишь стрижкой купонов, получением прибылей; как буржуазия наконец становится неспособной к управлению выросшими производительными силами и как ее господство становится нестерпимым для большинства общества, для трудящихся, благодаря кризисам, нищете, безработице, войнам; как буржуазия терпит экономическое, политическое и моральное банкротство, и т. д.

Какой же отсюда выход? Кто выведет человечество из капиталистического наемного рабства? Как разрешаются все порожденные капитализмом противоречия? Почему пролетарская революция, уничтожение классов, построение бесклассового, социалистического общества является абсолютной исторической необходимостью? Какие созданы материальные предпосылки

и силы внутри капитализма для его преобразования в общество коммунистическое? Вот те коренные вопросы научного коммунизма, на которые отвечает Энгельс в этой главе. При изучении этой главы читатель должен подробно ознакомиться с тем, как разработаны эти вопросы дальше Лениным и Сталиным, как учение научного социализма воплощено теперь в действительность на $\frac{1}{6}$ земного шара, в СССР. В СССР уже «осуществлена в основном первая фаза коммунизма» (Сталин).

Энгельс писал, что с победой социализма «Анархия общественного производства заменяется организацией его по заранее обдуманному плану. Прекращается индивидуальная борьба за существование. Таким образом, человек окончательно в известном смысле выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Жизненные условия, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы в той мере, как они становятся господами своих собственных общественных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, вполне сознательно применяются ими и, следовательно, подчиняются их господству... И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы». (См. настоящую книгу, стр. 81—83).

И этот скачок из царства необходимости в царство свободы осуществлен в СССР пролетарской революцией и диктатурой рабочего класса. В соответствии с опытом социалистического строительства товарищ

Сталин конкретизировал и развил эти положения Энгельса о законах общественного развития при социализме, и это нашло воплощение и выражение в сталинской Конституции. Возьмите, например, особенно главу первую и десятую. Статья 11-я первой главы гласит:

«Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности».

Такова научная сталинская формулировка основного закона развития страны социализма. Поскольку социалистическая страна находится в капиталистическом окружении, она должна укреплять свою независимость и обороноспособность. Эта формулировка закона, как и все учение Ленина и Сталина, гениально уточняет, развивает, конкретизирует теорию социализма применительно к новой эпохе, к конкретным историческим условиям построения социализма в первой стране, где победил пролетариат.

Тут нельзя ни убавить, ни прибавить ни одного слова, это сказано точно, глубоко и сжато.

В этой краткой формуле заключен огромный исторический опыт борьбы и побед, глубокое научное содержание. Таков вообще характер всех работ классиков марксизма-ленинизма и настоящей книги Энгельса в особенности.

* * *

При усвоении глубокого содержания этой книги читатель встретится с известными трудностями. Но при каждом новом чтении ее будут раскрываться все новые стороны, все более глубокие мысли, и это произойдет сообразно с политическим и теоретическим ростом читателя. Поэтому нельзя смущаться тем, что вначале не все будет понятно, ясно, и многое вначале ускользнет от внимания.

Реальный капиталистический строй со всеми его ужасами и противоречиями, с одной стороны, и победивший в СССР социализм с его бурным подъемом, с другой, — вот что постоянно должен иметь в виду читатель, чтобы глубже понять содержание этой книги.

При этом читатель не должен забывать, что каждое положение марксизма извращалось, искажалось ревизионистами, восстанавливалось и развивалось дальше Лениным и Сталиным в духе подлинного марксизма. Сейчас нет марксизма вне учения Ленина и Сталина.

Изучая настоящую работу Энгельса, надо брать каждое положение не как нечто застывшее и не зазубривать его, а постараться прежде всего понять глубоко смысл каждого положения Энгельса, схватить его существо и прочно запомнить.

Каждое научное положение Энгельса обобщает исторический ход развития, обобщает факты, события, и поэтому, чтобы глубоко понять теорию, надо обращаться к самим этим событиям и фактам, т. е. нужно хорошо изучить историю. Некогда помощь здесь окажут примечания и именной указатель, помещенный в конце книги. Обращаем внимание на ряд указаний в примечаниях о том, как Ленин и Сталин развивают соответствующие положения книги Энгельса (см., например, примечание о монополиях и трестах и ликвидации эксплуататорских классов, стр. 71—73 и 79—80 настоящей книги). Надо постоянно обращаться к таким работам, как «Три источника и три составных части марксизма» и «Карл Маркс» Ленина, «Вопросы ленинизма» Сталина («Об основах ленинизма», глава I, II, III, IV).

Надо кроме того использовать учебники по истории, энциклопедии и т. д.

Трудное не есть невозможное. Все можно преодолеть. Вопрос лишь в том, в каком порядке и с какими знаниями целесообразнее взяться за ту или иную книгу. И тут готовых рецептов дать нельзя, многое

подсказывает опыт самого читателя. Тот путь, которым шли прежние поколения марксистов, даст конечно очень многое, но теперь тут требуется еще ряд изменений. Например, теперь наша молодежь должна идти от работ Ленина и Сталина к изучению работ Маркса и Энгельса, ибо и сам Маркс не раз говорил, что первая ступень развития того или иного процесса (а стало быть и учения) легче и лучше можно понять, когда уже известна ее высшая ступень. Почему? Потому, что именно тогда раскрывается, например, суть учения, куда оно растет и как развивается. Только тогда учение воспринимается не как догма и схема, а как руководство к действию, как нечто живое, развивающееся на основе практики, то, что нельзя догматически заучить, а надо понять.

Мы думаем, что эту работу Энгельса целесообразнее всего читать после указанных выше работ Ленина и Сталина, после «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, после книги Ленина «Государство и революция».

Тогда книга Энгельса станет и понятной и углубит мировоззрение, даст самые общие основы этого мировоззрения. И обратно: чтение этой книги вместе с тем поможет более глубоко теоретически понять и прежде прочитанные работы Ленина и Сталина, которые развивают те же основные принципы, но уже в новых условиях.

М. КАММАРИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

К КНИГЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»

Анаксагор — философ и ученый древней Греции. Родился около 500 г. до нашего летоисчисления и умер около 428 г. Стр. 20.

Аристотель (384—322 гг. до нашего летоисчисления) — великий древнегреческий философ и ученый. Энгельс называет Аристотеля «Гегелем древнего мира» и «субъектом головы».

Аристотель оказал огромное влияние на развитие философии своего времени и особенно сильное влияние на развитие средневековой философии. Влияние Аристотеля было также сильно в философии XVIII и начала XIX века. Аристотель был обвинен в безбожии, бежал из Афин в город Халкиду, где и умер. Стр. 41.

Бабёф Франсуа-Ноэль (1760—1797) во время французской буржуазной революции (1789—1794 гг.) был главой организации «Общества равных». Равенства в обществе Бабёф мыслил достичь путем захвата политической власти небольшой группой заговорщиков из бедноты. Совместно со своими единомышленниками был арестован, предан суду и казнен 16 мая 1797 г. Стр. 22.

Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898) — князь, видный государственный деятель Пруссии и Германии. Знаменитый дипломат Европы. Убеденный монархист и реакционер. Бисмарк был автором и вдохновителем исключительных законов против социалистов, созданных в

1878 г. Но так как эти законы не ослабили революционного движения, а лишь усилили его, то Бисмарк решил показать рабочим «пряник»: разработал законы о страховании рабочих. Мероприятия Бисмарка не имели успеха. 18 марта 1890 г. Бисмарк получил отставку (после вступления на престол Вильгельма II). Стр. 73.

Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — знаменитый английский философ-материалист, основоположник английского материализма. Стр. 43.

Вейтлинг Вильгельм (1810—1871) — немецкий коммунист, по профессии рабочий-портной. С коммунистическими идеями познакомился во время своего путешествия за границу. В Париже примкнул к коммунистам. В 1840 г. как агитатор был послан парижским Союзом коммунистов в Женеву. После выхода в свет главного его сочинения «Евангелие бедного грешника» был арестован, а затем выдан баденскому правительству (1844 г.). Вейтлинг считал возможным осуществление коммунизма путем мирной пропаганды. Убедившись в несостоятельности своих взглядов, он отказался от публичных выступлений и в конце своей жизни совершенно отошел от политической деятельности. Стр. 40.

Гегель Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831) — виднейший немецкий философ-идеалист. Подробную характеристику философских взглядов Гегеля дает Энгельс во II главе настоящей книги. Стр. 10, 11, 20, 34, 41, 47, 48, 49, 52.

Гераклит (540—480 гг. до нашего летоисчисления) — знаменитый философ древней Греции.

Гераклита считают основателем диалектики за его учение о всеобщем движении. Ему принадлежит выражение «все течет, все изменяется», а также «в один и тот же поток нельзя войти дважды». Основой всего существующего Гераклит считал огонь, из которого все возникает и в который все возвращается. Стр. 42.

Дарвин Чарльз (1809—1882) — выдающийся английский естествоиспытатель. Главное его произведение — «О происхождении видов путем естественного отбора» — относится к 1859 г.

«Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними» (Ленин, Соч., т. I, стр. 62). Стр. 10, 46.

Декарт Рене (1596—1650) — крупнейший французский философ. В своих философских взглядах он был дуалистом, т. е. признавал два самостоятельных начала, которыми определяется все существующее: дух и материю. В области физики и математики Декарт выступал как материалист. Ряд научных положений в математике и физике, высказанных Декартом, сохранили свою силу и до настоящего времени. Стр. 41.

Дидро Дени (1713—1784) — сын ремесленника, крупнейший представитель французского материализма XVIII века. Дидро резко критиковал идеализм и религию. С 1750 г. на протяжении 25 лет издавал «Энциклопедию», которая объединяла вокруг себя все оппозиционные круги предреволюционной Франции. Стр. 41.

Дюринг Евгений (1833—1921) — немецкий философ. Дюринг стоял на позициях метафизического, примитивного материализма. Был идеалистом в объяснении общественных явлений. Дюринг пытался создать свою «систему социализма» и противопоставить ее научному социализму Маркса и Энгельса. Он оказал известное влияние на ряд руководителей социал-демократии. В ряде статей Энгельс выступил с уничтожающей критикой ограниченных и лгутивных взглядов Дюринга. Книга «Анти-Дюринг» состоит из этих статей. Стр. 7, 12, 13, 14.

Зибель Генрих (1817—1895) — немецкий буржуазный историк. Стр. 9.

Кант Иммануил (1724—1804) — виднейший немецкий философ-идеалист. Основоположник немецкой классической философии.

«Основная черта философии Канта, — говорит Ленин, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда

- Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист» (Ленин, т. XIII, стр. 162). (Стр. 9, 11, 47.
- Карлейль Томас (1795—1881)—английский писатель и историк. Стр. 27.
- Лаплас Пьер-Симон (1749—1827) — виднейший французский математик и астроном. Автор теории естественного происхождения солнечной системы. Эта теория в ряде пунктов прищмыкает к теории Канта, высказанной им в его книге «Теория и история неба» (1755 г.). Стр. 9, 47.
- Лассаль Фердинанд (1825—1864)—видный деятель германского рабочего движения середины XIX века. Организовал в 1863 г. «Всеобщий германский рабочий союз». Считал возможным постепенный переход к социализму через свободные производительные союзы рабочих. В этих целях вступил с Бисмарком в переговоры, что вызвало резкий протест со стороны Маркса и Энгельса. В 1927 г. обнаружена переписка Лассалья с Бисмарком, которая подтверждает самые худшие подозрения Маркса и Энгельса в отношении связей Лассалья с прусской монархией. Стр. 8.
- Лафарг Поль (1842—1911)—один из основателей французской рабочей партии и видный ее теоретик-марксист. Участник I Интернационала и Парижской коммуны. Виднейший руководитель французского рабочего движения эпохи II Интернационала. Личный друг Маркса и Энгельса. Стр. 7, 14.
- Линней Карл (1707—1778)—известный шведский естествоиспытатель. Линней разработал классификацию растений и животных, не признавал идею развития видов, считая, что количество видов и их облик вечны и неизменны, видов существует столько, сколько их первоначально создало высшее существо. Застыга Линнея заключалась в то время в том, что он утвердил единство человека и животных. Стр. 49.
- Локк Джон (1632—1704)—крупнейший английский философ-эмпирик. Источником нашего познания он считал личный

опыт, ощущения. Локк был дуалистом — он признавал, с одной стороны, существование внешнего мира, который воздействует на наши органы чувств, с другой стороны, придавал такое же значение богу и душе. Стр. 43.

Мабли Габриэль (1709—1785)—французский аббат, философ, социалист-утопист. Основным злом в обществе Мабли считал существование частной собственности. Однако Мабли считал, что она настолько укрепилась в обществе, что бесполезно стремиться к ее уничтожению. Поэтому Мабли предлагал уравнивать имущественные состояния, не уничтожая частной собственности, и этим добиться равенства в обществе. Стр. 22.

Морелли—французский аббат. Один из основателей коммунистического направления в XVIII веке. До сих пор неизвестны точные даты его рождения и смерти. «Кодекс природы» — главное произведение Морелли — был издан анонимно в 1755 г. Морелли выступил против частной собственности, считая ее основным источником зла и неравенства в обществе. Морелли считал, что так как по природе своей все люди равны и честны, то нужно создать такое общество, где не было бы места частной собственности и неравенству. Морелли считал, что каждый человек должен работать по своим силам и получать по своим потребностям. Стр. 22.

Меттерних Клеменс (1773—1859) — князь, австрийский реакционный политический деятель. Меттерних преследовал всякое проявление революционной мысли. Закрывал университеты Австрии и Германии, вводил жестокую цензуру. Мартовская революция 1848 г. в Австрии лишила его власти. Стр. 73.

Мюнцер Томас (1450—1525)—немецкий священник. Требовал уничтожения неравенства в обществе, полного уничтожения власти духовенства и князей. Предлагал конфисковать у них земли и организовать общество на равных началах. В этих целях Мюнцер собрал сильное войско и организовал крестьянское восстание, которое было подавлено. В 1525 г. Мюнцер был взят в плен и казнен. Стр. 22.

- Наполеон I** (1769—1821) — знаменитый император Франции. В эпоху Французской буржуазной революции выдвинулся из рядов офицерства в революционного генерала. Получил широкую популярность военными успехами при защите республики. 18 брюмера — 9 ноября 1799 г. — произвел переворот, давший ему пост первого консула республики. В 1804 г. был провозглашен императором Франции. После многочисленных победоносных войн потерпел поражение в войне против соединенных войск европейских государств. В 1815 году Наполеон был окончательно низложен с престола. Умер в ссылке на глухом острове Св. Елены. Стр. 30, 37, 73.
- Ньютон Исаак** (1642—1727) — знаменитый английский математик, физик и астроном. Ньютон является творцом ряда крупнейших открытий и изобретений. Обосновал закон всемирного тяготения, разработал теоретическую механику. Одновременно с Лейбницем и независимо от него открыл дифференциальное и интегральное исчисления; им же была сформулирована теория света и произведено разложение солнечного луча. В учении о времени и пространстве Ньютон скатывался к идеализму, считая их не материальными категориями, а лишь математическими абстракциями. Стр. 47, 49.
- Оуэн Роберт** (1771—1858) — один из трех «великих утопистов». Положил начало кооперативному движению. Оуэн считал необходимым переустройство государственного и общественного порядка на коммунистических началах, но мирным путем, не требуя разрушения буржуазного государства. Энгельс очень высоко оценивал Оуэна. В настоящей книге он пишет: «Все общественное движение, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом Англии, связаны с именем Оуэна». Стр. 11, 23, 28, 35, 36, 37, 38, 39.
- Прометей** — герой древнегреческого сказания, похитивший с неба огонь для людей. Согласно мифу, по приказу разгневанных богов, Гефест — бог огня — приковал Прометея к скале. Стр. 67.
- Руссо Жан-Жак** (1712—1778) — французский просветитель XVIII века, представитель революционного крыла буржуа-

зии. Учил, что общество и государство первоначально образовались путем свободного «общественного договора» между свободными, независимыми друг от друга людьми, но установленный этим договором общественный порядок был затем искажен возникновением общественного неравенства. Так как люди по своей природе свободны и равны, то они должны обладать одинаковыми политическими правами и вообще во всем должны быть равны перед законом. Восстановить это равенство, по учению Руссо, они могут и должны опять-таки на основе свободного общественного договора между собой. Стр. 21, 24, 41.

Сен-Симон Анри де-Ревруа (1760—1825)—один из трех «великих утопистов». Происходил из знатного дворянского рода. Во время французской буржуазной революции (1789—1794) отказался от дворянского титула. Лишенный всяких средств, долгое время голодал. В области философии Сен-Симон был материалистом, а в анализе общественных явлений оставался на позициях идеализма, хотя и признавал закономерность общественного развития. Сен-Симон выдвигал программу замены существующего общественного строя, основанного на частной собственности и классовой борьбе, другим строем, основанным на соглашении. В этих целях Сен-Симон предлагал ряд правительственных реформ, а также воспитание общества в духе религии. Подробную характеристику взглядов этого великого утописта Энгельс дает в I главе настоящей книги. Стр. 11, 23, 28, 30, 31, 32, 33, 48.

Спиноза Бенедикт (1632—1677)—знаменитый голландский философ. Признавал природу единственной основой всего существующего. Спиноза однако по обстоятельствам времени вынужден был называть природу богом.

Таким образом в завуалированной форме Спиноза высказывал материалистические взгляды. Учение Спинозы оказало огромное влияние на целый ряд философов, особенно на французских материалистов XVIII века. Стр. 41.

Трейчке Генрих (1834—1896)—известный немецкий буржуазный историк. Стр. 9.

Фихте Иоганн-Готлиб (1762—1814)—немецкий философ-идеалист. Подверг критике философию Канта, отрицая в ней все материалистические элементы. Фихте был крайний субъективный идеалист. Стр. 11.

Фурье Шарль (1772—1837) — виднейший представитель французского утопического социализма. Один из трех «великих утопистов». В 1808 г. в своем первом произведении «Теория четырех движений», а затем и в позднейших, Фурье высказался за изменение общественного строя путем создания ряда трудовых общин (фаланстеров). Фурье очень резко критиковал существующий капиталистический строй.

«Фурье, — говорит Энгельс, — дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием». Стр. 11, 23, 28, 33, 34, 65, 69.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Ф. Энгельса к первому немецкому изданию 1882 г.	7
Предисловие Ф. Энгельса к английскому изданию 1892 г.	12
Ф. Энгельс — Развитие социализма от утопии к науке	17
М. Каммарн — Книга Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»	37
Именной указатель	103

Ответственный по изданию
редактор *И. Горина*

Технический редактор
М. Лойтерштейн

Корректора *И. Кудашев*
и *Н. Курдюмова*

Сдано в производство 28/II 1937 г.
Подписано к печати 20/III 1937 г.
М. Г. 495. Инд. Ю-0. Формат
бумаги 82 × 110^{1/2} ш. 7 печ. л.
4,17 уч. авт. л.

Уполномоч. Главлита Б—12914.
Зак. тира. 2063. Тираж 50 000.

Фабрика юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“,
ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 75 коп.
Переплет 1 руб.

75 коп.